

Н а ш и и н т е р в ь ю

Н е о т с т у п а т ь о т п р а в д ы ж и з н и.

Накануне Дня грузинского театра мы побеседовали с молодыми актерами: Георгием Бурджанадзе из Тбилисского государственного театра имени К. Марджанишвили, Дареджан Харшиладзе из Тбилисского государственного театра имени Ш. Руставели и Рамазом Иоселиани из театра-студии киноактера. Этих разноплановых актеров объединяет одно: они принадлежат к новому поколению, им предстоит создавать облик завтрашнего грузинского театра.

— Каким бы вы хотели видеть завтрашний театр?

Рамаз Иоселиани: — Мечтаю о театре импровизации. И именно таков наш театр. Когда я не занят в спектакле, сижу в зрительном зале, смотрю, как работают мои друзья, и радуюсь, что завтра они будут моими партнерами. В нашем театре играют не для себя, а для партнера. Это очень ценное качество: оно делает жизнь на сцене живой, насыщенной энергией, полной неожиданных поворотов. Благодаря этому каждый спектакль для нас полон новизны и очарования, сколько бы мы его ни играли.

Георгий Бурджанадзе: — Лучшая форма театра, по-моему, театр-балет, театр на площади, где зритель уходит, если ему неинтересно, а если он увлекся — остается, сопереживает актерам, принимает эмоциональное участие в спектакле.

— Как вы приходите к создаваемому образу?

Дареджан Харшиладзе: — В первую очередь, получая новую роль, ищу в образе точки соприкосновения. На первый взгляд, невозможно найти общее между собой и, скажем, закоренелым злодеем. Однако в жизни, в психологии каждой личности много пластов, и надо найти истоки, мотивы поступка любого человека. Конечно, куда приятнее играть благородных людей, говорить со сцены о высоких помыслах и чистых стремлениях. Куда сложнее, а это, по-моему, главное в нашей работе, изнутри понять своего отрицательного героя, посмотреть правде в глаза, вспомнить о том, что и ты далеко не всегда поступаешь по законам совести, даже если кроме тебя этого никто не знает...

Очень дорог мне образ дочери в «Открытой веранде» Ш. Шаманадзе. Там у меня есть возможность рассказать зрителю о типичной, орди-

нарной девушке, моей современнице.

Любая роль мне дорога, потому что я пытаюсь показать неоднозначность моего персонажа, его глубинные переживания.

Георгий Бурджанадзе: — Назначение актера в театре — играть человека. Но, чтобы сыграть человека, надо его познать. Этот процесс вечен, потому что чем больше узнаешь, тем больше убеждаешься: внутренний мир человека неисчерпаем. А потому мое кредо — «Живи и учись».

Рамаз Иоселиани: — Работая над ролью, я в первую очередь стремлюсь не отступать от правды жизни, постоянно контролирую себя, чтобы между моим воображением и реальностью не было дисгармонии.

— Любите ли вы встречаться со зрителем?

Георгий Бурджанадзе: — На этот вопрос трудно ответить однозначно. К сожалению, нам редко выпадают встречи с людьми, которые по-настоящему интересуются творчеством актеров. Но если уж встречаешься с настоящим зрителем, то испытываешь необыкновенную радость. Поэтому что, разговаривая с таким зрителем, слушая его мнение о твоей конкретной работе, убеждаешься: он помогает тебе еще туже относиться к образу, энергичнее искать в характере героя новые черты, заложенные в нем, но еще не открытые тобой.

Дареджан Харшиладзе: — Для меня выход на сцену — уже общение со зрителем. Я не могу играть для некоего абстрактного зрителя, может, это мой минус. А потому всегда играю для близких, которые присутствуют в зале, или же представляю дорогих мне людей. Это, с одной стороны, мешает. Но это делает мой разговор с ними предметным, устанавливает между мной и ними внутреннюю связь.

— Что значит для вас режиссер и как происходит ваш контакт с ним?

Дареджан Харшиладзе: — Вопрос простой. Например, мой путь к образу таков. Я создаю свое прочтение роли, у режиссера же — свой замысел. В процессе работы над спектаклем происходит сближение двух различных прочтений: медленно, репетиция за репетицией, приближаясь я к идее режиссера, отсекая от персонажа, созданного в моем воображении, лишнее, но оставляя все-таки что-то присущее моему индивидуальному видению. Если бы актер мог автоматически выполнять все требования режиссера, было бы неинтересно! Актер и режиссер — соавторы.

Рамаз Иоселиани: — Получая роль, я как бы блуждаю в дебрях, а Михаил Иванович Туманишвили прокладывает тропинку от меня к образу. Причем я постоянно убеждаюсь в том, что тропинка эта выводит на свет. После премьеры порой бываешь опьянен: вот, мол, какой я замечательный актер, вот как здорово все получилось! А потом прозреваешь и видишь, что к этому успеху тебя привел режиссер. Мне думается, актер должен верить режиссеру безоговорочно, иначе он не сможет работать с ним. С Михаилом Ивановичем работать легко — он влюблен в актера, он учит нас самоконтролю, не обольщаться похвалами, быть самыми строгими судьями себе.

— Какую роль вы хотели бы сыграть?

Дареджан Харшиладзе: — Я бы хотел играть героев моего времени, лишь бы в пьесе был богатый драматургический материал, который позволил бы раскрыть потенциальные возможности персонажа, обнаружить его систему взглядов, поведать о его миро-воззрении.

Георгий Бурджанадзе: — А я хочу сыграть всего Шекспира, всего Чехова, всего Шоу... Перечисление можно продолжить. В любом актере есть эта жадность. Каждому человеку хочется объять необъятное. Хотя бы в мечтах. Хочется все попробовать, все почувствовать, все сыграть...

М. РАТИАНИ.